

ния столиц и изменения их функций в системе государства. Иначе говоря, при таком самоопределении Петербург, как и любой другой С. г. п. с., не претендуя на возвращение ему столичности ни в полном объеме, ни частично (ср. бренд Петербурга — «духовная столица России»), освобождается от инерции навязанной ему провинциальности (филиальности) и сам определяет свою судьбу.

Лит.: *Вендина О.И.* Отражение преемственности и соперничества российских столиц в национальном сознании // География. 1998. № 36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geo.1september.ru/1998/geo36.htm>. Дата обращения: 11.11.2011; *Косинова Т.Ф., Флиге И.А. и др.* История террора в городе // НИЦ «Мемориал». Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://memorial-nic.org/history.html>. Дата обращения: 11.11.2011.

Е.Г. Милюгина

Т. О. Санникова

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПРОЦЕССАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОЛИЦЫ И ПРОВИНЦИИ

Взаимодействие между столицей и провинцией очень часто определяют как диалог. Однако если не ставить знак равенства между коммуникацией и диалогом в культуре, то насколько возможна применимость последнего термина? Среди исходных позиций диалога, равенство субъектов, причем соравность во всех смыслах, взаимный интерес, взаимонаправленность и уважение. Всегда ли столица и провинция как два противоположных начала в политической, социальной структуре и культурных формах взаимодействуют диалогически? Каково соотношение в этих процессах взаимодействия стабилизирующих начал и динамики, новаций и традиций?

Для ответов на данные вопросы необходимо выделить два уровня анализа: «во-первых, общий для культурной жизни всех стран и всех эпох с тех пор, как развитие государственности породило различия между столичными центрами и провинциальными окраинами, и, во-вторых, специфически национальный, поскольку в разных странах — в частности, в России последние три столетия — отношение "столица — провинция" наполнялось особым смыслом, уяснить который необходимо и в интересах науки, и для ориентации практической деятельности» [9, с.16].

Появление государственных образований, начиная с истории древнего мира, если это не были города-государства, означало формирование центра — столицы, и окружающей территории, занимавшей подчиненное положение. При этом, чем более имперский характер но-

сило государственное образование, тем более моноцентричным становилось государственное пространство — у столицы не могло быть соперников ни в каком плане («лучший город Земли» мог быть только один). Подобная монополия всегда вызывала в провинциях пусть неявное, но негодование, смешанное, однако с желанием оказаться в этом месте (известна римская поговорка — «все Рим ненавидят и все хотят в нем жить»).

В подобных имперских образованиях столица становилась не просто средоточием административного аппарата, но и культурным центром. Именно подобная история явилась определяющей и для России, начиная со становления Московского царства и до сегодняшнего дня. Данная имперская структура перекочевала и на саму провинцию, где в той или иной области, республике есть столица, являющая собой пример центра опять же не просто с органами власти, а с лучшими условиями жизни, развитой инфраструктурой, богатством культурного выбора. Подобный «областной центр» является генератором социокультурных инициатив по отношению к своему региону, одновременно по отношению к Москве — средоточию основных культурных форм, выступает уже по большому счету как их ретранслятор и медиатор.

Руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором Института экономики РАН Л. Б. Вардомский, так определяет преимущества Москвы как столичного города: «Главное из них — интеллектуальный потенциал. Культурный, научный, инновационный — так исторически сложилось. Здесь всегда собирали лучших ученых, управленцев, артистов, футболистов, хоккеистов и т.д. Здесь в советское время располагались внешнеторговые объединения, банки, ведущие НИИ. И эти преимущества в рыночных условиях, к сожалению, усилились» [15]. Он также отмечает, что распухание мегаполиса является мировой тенденцией: «В условиях глобализации мегаполисы растут быстрее. Это объективная тенденция. Если начинаешь противостоять тенденции к концентрации экономической жизни, то неизбежно понижается конкурентоспособность национальной экономики, а это еще хуже. Лучше это нивелировать социальными программами, чем вмешиваться в естественный ход событий».

Есть примеры, когда некоторые страны (Бразилия, Казахстан) переносили столицу. Как признает Л. Б. Вардомский, «конечно, казахи, построив Астану, многие проблемы решили для себя. Но мы не могли в 90-е годы: власть была слаба, денег не было. А сейчас уже это теряет смысл, новая столица — это слишком дорого, да и где ее размещать? Но вот какой-то центр-противовес на востоке или где-то в Сибири — по влиянию, по экономическому воздействию, очень нужен. Вот, как Нью-Йорк и Лос-Анджелес — они примерно одинаковые, и таких городов в США с десяток. В Китае: Пекин, Шанхай — есть конкуренция. А у нас монополизм и в экономике, и в политике, и в городских функциях. Москва не должна быть монополистом. Должна быть конкуренция между городами, городскими сообществами и властями» [15].

О желании российских городов культурно самоопределиться В. Л. Каганский написал следующее: «Масса городов мечтает быть второй или третьей столицей России или хотя бы

столицей своего макрорегиона. Эта активность симптоматична, беспредметна и (пока?) безрезультатна. Она свидетельствует об активности поиска — никак не о находках; мнимое самоопределение мест — скорее результат отсутствия реального и культурно признанного краеведения, нежели его продолжение...» [10].

Так на примере крупных российских городов в конце XX — начале XXI века мы видим попытки назвать себя если не «третьей» столицей, то хотя бы столицей чего-нибудь, или похвастаться столичными условиями или теми или иными учреждениями (такому зоопарку, цирку, театру сама столица «позавидовать может»).

Однако уровень притязаний власти не всегда совпадает с мироощущением и миропорядком «столичности» у рядовых граждан города, зачастую иронично воспринимая декларацию, не вполне соотносимую с действительностью. «О том, что с губернатором Морозовым Ульяновск превратился в авиационную столицу России без самолетов: два аэропорта без буфетов и туалетов, нынче без музеев и библиотек, без культуры готовится стать “Культурной столицей Европы-2020”, знают многие» [13].

Надо признать, что понятие «столичный город» получило распространение в России еще во второй половине XIX века, где им обозначали административно не столичные, но промышленные и культурные центры определенного региона: такие города как Харьков, Нижний Новгород, Екатеринбург, Одесса и др. Их развитию способствовали многие факторы (наличие крупных учебных заведений, торговых путей, промышленных предприятий и т.д.).

Данные факторы как раз и являются элементами децентрализации, т.е. смещению оси взаимодействия только как вертикали, к формированию множественности центров в той или иной области промышленности, системе образования, науки, искусства. Хотя в России данная центровая позиция чаще комбинируется с концентрацией административной власти. Для сравнения, например, в США многие столичные города штатов не обязательно являются их крупнейшими экономическими центрами, или центрами в какой-то другой области. В России проблема сильной централизации решается чаще именно в административном поле (например, в переводе ряда органов государственной власти из Москвы в Петербург).

В. Л. Каганский, замечая, что «схема “центр — периферия” претендует на универсальность, хотя это лишь проекция в пространство дихотомии “центр — не-центр” и имеет смысл лишь в богатом контексте», использует альтернативную схему «центр — провинция — периферия — граница» [11]. В данном случае важна именно акцентуация на центровой и нецентровой (столица-провинция) позиции социокультурного пространства.

Столицу и провинцию определяет разный ландшафт. Чем более центральное положение занимает город, тем более разрастается его организм, тем менее видна в нем природа и естественность природного ландшафта. Чем более удаляемся от Центра, тем больше становится нетронутых цивилизацией мест и соответственно меньше магистральных и прочих дорог,

обеспечивающих нашу цивилизацию. Центр организует именно социальное, культурное пространство. Отсюда у многих интеллектуалов, интеллигенции провинции ощущение замкнутого провинциального пространства, именно в силу его большего самоорганизующегося начала.

Разница пространства соединяется с разницей времени. В Центре, в столице оно «сконцентрировано», его мало, его не хватает. В не-центре, провинции оно словно растекается в глубину природного ландшафта, замедляя свой темп.

Хотя провинция и стремится хотя бы в центре того или иного поселения создать пространство подобное столичному, и даже маркировать его обозначениями, вроде «наш Арбат», «красная площадь». Подчас и время мерить по столичным меркам, скажем, инициатива ряда регионов перейти на московское время, с позиции, что это удобно для решения административных дел, хотя явно не совпадает с природными ритмами данных территорий.

Монотонность провинции противопоставлена полифонии центра, столицы. Поэтому провинцию часто отождествляют со скукой, размеренностью, подходящей только для пожилого человека. А центр, столицу — как город большого выбора, массы возможностей, динамики, город молодежи.

Близость к природному ландшафту тем более отличает провинцию, чем она удаленнее от Центров. Важность сельских поселений и приближенных к ним городских воспринимается в паре с экономическими показателями сельского хозяйства. Про важность сохранения традиционного ландшафта забывается, как справедливо пишет Б. Б. Родоман. «Деревня нужна русским людям, живущим в городах, для национального самовыражения и вдохновения», «урожай — не только то, что растет на полях, но и то, что вырастает в наших душах от контакта с родной землей» [16, с. 272—273].

Взаимодействие с природой дает возможность самоуглубления, именно природа делает человека человечней. Недостаток культурных впечатлений провинции (причем если они бывают, то отпечатываются глубже и памятнее, нежели, если бы их было много) компенсируется взаимодействием с природой, которая возвращает тонкость душевной организации, дает почву для творчества. Художник Н. Г. Чесноков, чье детство прошло на Любимовском кордоне, что в 16 километрах от Лысьвенского завода (город Лысьва Пермской области), так вспоминал об этом периоде: «Кордон Любимовский с трех сторон вплотную примыкал к лесу и только с фасада зеленела перед ним большая поляна, изрезанная дорогой и несколькими тропинками, уходящими в лес и к речке Любимовке. Сразу за речкой высилась гора Алебастровая, казавшаяся мне необыкновенно высокой. За эту гору каждый погожий вечер скатывалось солнышко, в пасмурные дни за ее вершину цеплялись тучи, а при солнце она плавилась в голубом небе и по ее склону пробегали тени от облаков. Удивительно было рассматривать бесконечно меняющуюся жизнь неба и леса. Природа, манящая и неизведанная будоражила фантазию и вызывала массу вопросов, на которые не всегда могли ответить даже взрослые» [18].

Эта жажда творчества, в силу своей специфики, отличает интеллигенцию. «Именно на местной интеллигенции и лежит бремя обыденного, сложного, неоднородного культурного самоопределения территорий — особенно малых, периферийных и сельских. (...) Тем более что в глубинке интеллигенция сохраняет свой культурный статус и играет роль окна в большой мир гораздо в большей мере, чем интеллигенция московская и питерская» [10].

Самодетальность в большей степени характерна именно для провинции, поскольку определяемых Центром — «культурных центров» здесь мало, что вполне объективно объяснимо, но необходимо поле для реализации накопленных смыслов. Крайним моментом для личности является выход из провинциального пространства и уход в столичный ритм и мир. Но он избирается не всеми, и тем интереснее судьбы людей известных, всю жизнь проживших в провинции и провинцию избравших в качестве объекта своего творчества. Из писателей таковыми являются, например, американская поэтесса Эмили Дикинсон и английская писательница Джейн Остин. «Ее интересовало обыкновенное, — писал С. Моэм о Дж. Остин, — а не то, что зовется необыкновенным. Однако благодаря остроте зрения, иронии и остроумию все, что она писала, было необыкновенно» [4, с. 16]. «Жизнь сама по себе так удивительна, что оставляет мало места для других занятий», — писала Э. Дикинсон, и в этой фразе, как мне кажется, и скрывается загадка ее добровольного заточения. Лишив себя части человеческих радостей, Эмили пыталась сосредоточиться на внутреннем мире, обострив до предела свое мироощущение. Поэтесса напряженно вглядывалась, а точнее — вслушивалась в жизнь. В нескольких стихах она открыто повторяла одну и ту же мысль — только «голодный» способен максимально ощутить вкус, только лишившись можно по-настоящему понять цену потерянного» [14].

Он был Поэт –
 Гигантский смысл
 Умел он отжимать
 Из будничных понятий –
 Редчайший аромат [6].

Чтоб свято чтить обычные дни -
 Надо лишь помнить:
 От вас — от меня —
 Могут взять они — малость —
 Дар бытия.
 Чтоб жизнь наделить величием —
 Надо лишь помнить —
 Что желудь здесь —

Зародыш лесов

В верховьях небес [7].

Сама Э. Дикинсон писала в письме известному тогда литератору Т. У. Хиггинсону: «Вы спрашиваете о моих товарищах. Холмы, сэр, и Закаты, и пес — с меня ростом, — которого купил мне отец. Они лучше, чем человеческие существа, — потому что всё знают, но не говорят» [2, с.19].

Провинцию, как территорию удаленную от «столиц», всегда отличала особая атмосфера и образ жизни. Однако чаще они характеризуются в черно-белых тонах: провинция рисуется либо как идеальное место духовности, противопоставленное столице — «вавилону», погруженному в пороки цивилизации (почти шпенглеровское противостояние содержания и формы, культуры и цивилизации); либо как пошлый мир «болота», годный только для сатирического обличения.

Действительность провинции, не-центра во взаимоотношениях со столицей, столицами представляет сложную систему ценностей и черт, которая вырисовывается именно в комплексе их восприятия.

Провинция часто воспринимается как некий фундамент, консервативная структура, оплот традиционности. Эта характеристика особо усиливается, учитывая масштабы России. Центр мобилен, как генератор изменений он быстро видоизменяется, порождая новые социальные, культурные смыслы. Чем далее вглубь страны — тем темпы принятий новых решений замедляются. Наше слово «глубинка» несет в себе и момент дистанционности (где-то далеко, комбинируясь с «глушью», где о чем-то новом узнают позже, опосредованно) и важный момент «глубины», определенного постоянства, укорененной значимости. Важный момент стабильной социокультурной системы, определяющей возможность не «выплеснуть вместе с водой ребенка», позволить «волнам» изменений идти по поверхности, не делая мутным перебираемое пространство. Но постепенно, они все равно оказывают влияние.

Обмен смыслами между центром и провинцией идет постоянно, есть ли изначальная установка на диалог, либо его отрицание, подспудно он все равно существует, пусть в ограниченном виде. Провинция и центр рисует нам две разные системы социокультурного устройства, но тем богаче процесс коммуникации, ибо на стыке их спора-согласия, их сотрудничества-борьбы рождаются новые смыслы, позволяющие им развиваться, а значит и культуре в целом.

Смысла центра нет без провинции, провинции нет без центра, при совмещении двух категорий рождается целостный текст, который пишет, создает и каждый из нас.

А. С. Собенников, рассмотрев противопоставление столицы и провинции в драматургии А. П. Чехова, пришел к следующему выводу относительно авторской позиции и реализации в точках зрения персонажей этого противопоставления: «Чехов, сохраняя в символе миро-

устройства “Столица — Провинция” реально-историческую конкретику, выходит за рамки исторического времени <...>. “Столица” и “Провинция” приобретают значение вневременных нравственно-философских категорий. У каждого человека, независимо от его национальной принадлежности, есть своя “Столица” и своя “Провинция”» [8].

«Провинциальность», «столичность» становятся маркерами, определениями, четко не локализованными географически, но имеющими психологическую подоплеку. Кроме того, преобразующиеся в бичевание отрицательных качеств: «столичная штучка», «провинциализм». «Провинциализм — это мир, в котором все, что не касается человека лично и практически, кажется ему ненужным и даже враждебным» [1, с. 51]. Но и столичное высокомерие, стремление к внешним формам, оказываются здесь одного поля ягодами. Таким образом, помимо макроуровня, имеющего конкретно исторический характер, взаимоотношения провинции и столицы переносятся на уровень микроистории отдельного индивидуума.

Любая культура опирается на то, что уже есть. Иногда преемственность может отрицаться, реально такое существование невозможно. Бывают периоды, когда преемственность уходит на второй план. Преемственность подразумевает непосредственную связь последующего периода с предыдущим. Преемственность может быть нарушена, но остается наследие. Наследие сохраняется провинцией не всегда сознательно, в силу консервативной природы, и приверженности, что так «деды наши делали», оно сохраняется и в силу отдаленности от центра, от источника изменений. Культурное наследие в современных поселениях часто остается тем больше, чем менее развита экономическая составляющая. Чем более город стремится к «столичности», тем более быстро под натиском современной цивилизации утрачивается его историко-культурное наследие, особенно это заметно в архитектурном облике. Стабилизирующая сторона российской провинции оказывается иронией судьбы современного мира капитала. Провинция хранит часто как бабушкин сундук свои вещи, не потому что его оценили и он дорог как память, как связь времен, как красота ушедшего, а потому что про него забыли в темном чулане.

Так, на территории России накопленное наследие деревянной архитектуры, во многом утерев преемственность, воспринимается зачастую как что-то отжившее свой век, а значит должное уступить место современной архитектуре. В Программе Министерства по охране окружающей среды Финляндии по содействию деревянному строительству на 2004-2010 годы четко зафиксировано: «С точки зрения культуры деревянное строительство является частью традиции и национальной идентичности» [17, с. 67]. Сохранение культурного наследия всегда является вопросом национальной безопасности; в том числе для России это относится и к сохранению традиций деревянного зодчества, воплощающих ценный капитал национальной культуры. Новое должно опираться на старое, ибо иначе повторяется ситуация со свиньей под дубом из басни Крылова.

Противоречие между традицией и новацией один из главных механизмов динамики культуры. Однако отождествление провинции и традиции, а столицы—центра с новацией было бы слишком прямолинейным и однобоким, поскольку взаимодействие на практике оказывается значительно сложнее, хотя доведенное до теоретического предела классификации подобное противопоставление имеет место быть.

Чем, как ни новым являются проявления провинциальной фантазии, провинциальных культурных порывов, «прорывов», однако чаще им проще устремиться в новаторское поле Центра, нежели найти свое место в устоявшихся нормах не—центрального пространства.

Если опять же вспомнить времена становления Московского государства, то «большинство тех, кто развивал и поддерживал идею Москвы как третьего Рима, — провинциальные люди» [12, с. 145]. Здесь речь, конечно, идет об интеллектуальной элите.

Всю историю нашего государства от ее Московского периода можно представить как борьбу между «цивилизованным центром» и «дикой» провинцией. Если сначала Москва реализовывала модель азиатского государственного устройства, то в XVII, и особенно в XVIII столетии (Москва, а затем Петербург) пытаются втиснуть в эту азиатскую модель европейское социокультурное содержание. «По сути, Россия приблизительно с XVII — XVIII веков является страной двух цивилизаций: европейско-столичной и традиционно-провинциальной» [3, с. 61].

Как писал М. С. Каган: «"Провинциальность" — понятие амбивалентное, двойственное: с одной стороны оно воплощает подражательность, упрощенное копирование столичного образа жизни, а с другой — известную духовную независимость от столицы, отстраненность от ее политических интересов и оппозиционность господствующим порядкам. Поэтому из столицы убегали — и теперь снова стали убегать — в провинцию в поисках независимости, а из провинции стремились в столицу, дабы сделать карьеру; провинция привлекала возможностью избавления от диктата власти, а столица влекла близостью к механизмам управления страной и концентрацией духовной жизни в сферах искусства, науки, философии» [9, с. 16].

Однако сказанное М. С. Каганом опять же не всегда имеет место, столица хороша для карьеры, но при этом и конкуренция там выше. С другой стороны независимость для провинции тоже не всегда характерна, поскольку выбор человека здесь ограничен, а значит, человек в определенной степени зависим от диктата местных властей. «Различие провинции и столицы не абстрактно-ценностное, т.е. не означающее, что одна лучше другой, а функциональное. Обе лучше, и обе хуже, но в разных отношениях, ибо они дополняют друг друга в целостной жизни нации и потому друг другу необходимы» [9, с. 18].

Таким образом, борьба—сотрудничество, спор—согласие определяют взаимодействие столицы как центра и провинции как окраинной территории. Для центра определяющей выступает функция динамики социокультурных процессов, для не—центра стабилизация существ-

вующего положения, консерватизм и традиционность. При учете индивидуальных особенностей системы столица-провинция в историко-культурном ландшафте, есть черты объединяющие. Большее стремление центра к закреплению своего положения в архитектурном облике, средоточию социальных и культурных учреждений, подчеркивание своего положения как генерирующего социальные и культурные изменения. Инерционность провинции, стремление к внутренней углубленности, сосредоточенность на своем мире, сближение с природным окружением. Выход же российской системы единого центра не просто в наличии центров областных, республиканских, пока их развитие — лишь стремление клонировать московскую статусность, а в центрах, определяющих разные сферы развития общества и культуры. Многообразие определяет развитие культуры, моноцентричность развитие ликвидирует. Это касается как общей системы «столица-провинция», так и индивидуального уровня наличия своей «столицы» и «провинции».

Кто Небо не нашел внизу –

Нигде уж не найдет –

Ведь где бы мы ни жили – Бог

Поблизости живет [5, с. 392 – 393].

Список литературы и источников

1. Бутурлина Е. Мифы о провинциальной культуре // Российская провинция. — 1994. №1. — С.48–51.
2. Гаврилов А. Эмили Дикинсон: жизнь в творчестве // Дикинсон Э. Стихотворения. — М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. — С. 17–46.
3. Данилов А. А., Меметов В. С. Интеллигенция российской провинции и традиционные народные ценности // Интеллигенция России: традиции и новации: тез. докл. конф. — Иваново: ИвГУ, 1997. — С. 61–63.
4. Демурова Н. М. Милая Джейн // Остин Д. Гордость и предубеждение. — М.: Правда, 1989. — С. 5–16.
5. Дикинсон Э. Стихотворения: Сб. / сост. М. Гавриловой. — М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. — 448 с.
6. Дикинсон Э. This was a Poet — It is That. Перевод стихотворения В. Марковой [Электронный ресурс] // Американская поэзия в русских переводах: сайт. — URL: <http://www.uspoetry.ru/poem/29> (дата обращения 13.06.2012).
7. Дикинсон Э. To venerate the simple days. Перевод стихотворения В. Марковой [Электронный ресурс] // Американская поэзия в русских переводах: сайт. — URL: <http://www.uspoetry.ru/poem/24> (дата обращения 13.06.2012).

8. Доманский Ю. В. Оппозиция «столица / провинция» в рассказе «Дама с собачкой». — Тверь, 2001. [Электронный ресурс] // А. П. Чехов: сайт. URL.: <http://www.mychekhov.ru/kritika/domansky/doman3.shtml> (дата обращения 26. 02.2012).
9. Каган М. С. Москва — Петербург — провинция: «Двуличность» России — ее историческая судьба и уникальный шанс // Российская провинция. — 1993. № 1. — С.16–27.
10. Каганский В. Внутренний Урал. — [Электронный ресурс] // Журнальный зал: Отечественные записки. — 2003. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/3/2003_3_50.html (дата обращения: 23.02.2010).
11. Каганский В. Центр — Провинция — Периферия — Граница [Электронный ресурс] // Русский журнал. 26.10.04. URL: <http://www.russ.ru/pole/Centr-Prvinciya-Periferiya-Granica> (дата обращения: 23.02.2010).
12. Киселева М. С. Интеллектуальный потенциал провинции (круглый стол) // Человек. — 1996. №4. — С. 145–146.
13. Кто сказал, мы — провинция? Ульяновск — столица! [Электронный ресурс] // Улпресса. 27.10.10. URL.: <http://ulpressa.ru/news/2010/10/27/article135427/> (дата обращения: 19.10.2011).
14. Курий С. Эмили Дикинсон: почему её называют «Белой затворницей»? [Электронный ресурс] // Школа жизни: познавательный журнал. 15.05.09. URL.: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-27812/>(дата обращения: 19.10.2011).
15. «Москва хороша для бизнеса, но не для жизни» [Электронный ресурс] / Новости общества. 29.04.11. URL: <http://news.mail.ru/society/5814687/> (дата обращения: 27.05. 2011).
16. Родоман Б. Б. Пейзаж России // Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. — Смоленск: Ойкумена, 2002. — 336 с.
17. Суиккари Р. Финские деревянные города: сохранение и развитие // Культура дерева — дерево в культуре: Тезисы междунардн. науч.-практич. конф. — М.: РИК, 2010. — С. 67–68.
18. Чесноков Н. Г. Автобиография. [Электронный ресурс] // Чесноков Н.Г. (1915-2004): сайт. URL: <http://www.chesnokovn.ru/biography.html> (дата обращения 26.02.2012).